

ВАЛЕРИЙ ГЕЙДЕКО

КРИТИЧЕСКИЕ ПРИСТРАСТИЯ

Вопросы типа «отстает ли критика?» всегда легче оставить без ответа, чем сказать о них «да» или «нет». Критика никогда не представляла собой нечто однородное; вынесению за одни скобки это понятие не поддается. Чтобы говорить о критике в целом, в единстве, придется свести ее к механической сумме разных направлений, разных авторских индивидуальностей, у каждой из которых свой уровень мастерства, свой взгляд на современную литературу, разная степень свободы мышления, наконец, свое понимание сути и смысла деятельности критика, а дистанция между этими расхождениемми гигантского размера.

Наиболее легко подступиться к обзору творений такого популярного и процветающего жанра, как критика приятельская. Немного внимания заслуживает критика и ремесленная, отписочная, канцелярская. С существованием ее приходится мириться (хотя то и дело раздаются бодрые призывы «поднять уровень критики»). Весь пафос, все функции такой критики сводятся к обязанностям чисто канцелярским: дать самое общее, стандартное, однолинейное представление о человеке. Рецензия заполняется в точности, как анкета от-дела кадров:

«Две книжки рассказов молодых литераторов-уральцев — Анатолия Власова и Леонида Александрова (графа первая). Оба живут и работают в Красноуфимске — недалеко от Свердловска (графа вторая).

Хотя особых событий в рассказах вроде бы и не происходит, они интересны подробностями, за которыми открывается наша повседневная действительность (графа третья). И, что особенно важно, в каждом из рассказов отчетливо видна позиция авторов, утверждающих доброе начало в человеке.

В рассказе «Теплая и светлая вода», давшем название всему сборнику,

Анатолий Власов рисует образы уголовного Рогача, безвольного, с «вогнутой грудью» Семена и молодого Левки (как, кстати, вам нравится принцип характеристики: один герой — «молодой», другой — «уголовник», а третий — «безвольный», с «вогнутой грудью!»), случайно попавшего с ними на лесосплав. Левка начинает томиться в компании этих людей. Встретив в леспромхозе настоящих рабочих, спянных в коллектив (!), он начинает понимать, что его место... (пересказ).

Жизнерадостность и нетерпеливое желание поделиться с читателем счастьем, полнотой жизненных ощущений находим мы в книжке Л. Александрова «И вдруг взрослеешь»...

Вася из его рассказа «Купайся вместе с солнцем» — в прошлом вор. Теперь же он бросил это «занятие» и стал работать в колхозе, познакомился с Олей... (пересказ)».

Я не пожалел места, чтобы вы составили полное представление об этом разряде критики. Напечатана статья не в какой-нибудь «районке», а в центральном, достаточно авторитетном журнале «Знамя», написана человеком, регулярно поставляющим для печати подобные работы. Добросовестно прочли статью от первой до последней строчки и — оба прозаика сливаются в одно лицо. Невозможно понять, чем интересен каждый из них, или хотя бы оба, вместе взятые. Зачем такая статья? Она, как говорится, — ни уму, ни сердцу!

Вопрос: «Отстает или не отстают критика?» — принадлежит к числу «вечных». Ориентиров, помогающих найти на него ответ, существует не так-то много, чаще всего приходится полагаться на личные эмоции и впечатления. Один из критериев объективных — соответствие уровня критики развитию самой литературы.

Мы жалуемся между собой на бедность нашей литературы, повторяем

почти машинально: «не о чем писать». Формально подходя, мы правы: среди будничной продукции журналов повести вовсе не масштаба Достоевского и Толстого, поэмы не калибра Пушкина и Маяковского. Все так. Но часто подобные жалобы служат оправданием, откупными за нашу нерачность, беспомощность в том положении, которое занимаем мы, как ходоки от литературы к читателю. Азбучная истина: для критики высокого класса, большого дыхания нужно наличие в литературе крупных фигур, незаурядных дарований. Это питательная среда, одна из главнейших предпосылок, при которой может развернуться талант критика (и которая между тем вовсе может быть не использована).

К современной критике эта оговорка весьма применима. Именами Леонова и Шолохова, Твардовского и Федина, Солженицына и Мартынова мы можем гордиться не кривя душой, можем без натяжек сказать, что их творчество оставит свою мету в духовном наследии человечества. Я взял имена немногие, но перечень может быть несколько иным, суть не в том. Давайте припомним наши сетования: «Не на чем размахнуться» и воскресим случаи, когда было на чем размахнуться. И как жалко выглядели эти жесты! «Евгения Ивановна» Л. Леонова — обидно вспоминать резонанс критики на повесть, такой однозначной, бесхитростной, в немалом количестве статей и рецензий. Откликов было предостаточно, похвалили повесть дружно, но, боюсь, то неприязненное отношение Леонова к критике, которое родилось у него в тридцатые годы, в пору активной и усиленной «проработки», изменилось ненамного. Писателю не безразлично — хвалят его или ругают, но главное для него не баллы, выставляемые критиком, а то, чтобы его понимали. В противном же случае все комплименты — даже самые высокие — теряют смысл.

Вспомним молчание, которым была встречена поэма Твардовского «Теркин на том свете». Разумеется, поэма эта не простая, с довольно острыми

углами, — и у желающих написать о ней вполне хватало объективных препятствий и сложностей. Но так промолчать — единодушно и хладнокровно — нет, здесь дело не в недостатках профессионального мастерства, здесь замешаны иные качества нашей критики — гражданские, этические. «Положительные отклики», правда, были, но единственным выступлением по существу произведения оказалась крайне, к сожалению, тенденциозная статья Д. Старикова «Теркин против Теркина».

Впрочем, хватит подсыпать соль на раны — умножать количество примеров не очень сложно. Вывод следует один — наши апелляции к тому, что художники на Руси перевелись — весьма и весьма уязвимы. Скорее напротив: у нас заметный перепад высот между вершиной, завоеванной поэзией и прозой, и весьма незначительным уровнем, достигнутым эстетической мыслью.

Это, так сказать, общий комментарий к теме «Критика и классики». Здесь есть еще один момент. Имя Белинского справедливо связывается, прежде всего, со статьями о Пушкине и Гоголе, имя Добролюбова — со статьями об Островском, Писарева — о Тургеневе и так далее. Такие работы оседают у нас в памяти более прочно, чем другие, и прочно настолько, что возникает даже инерция представлений, будто наши великие предшественники только и занимались литературой первого ранга, не снисходили до разбора будничной, повседневной продукции книжного рынка. «Белинский писал о Пушкине, а я должен изучать какого-то... Ноткина — что с него возьмешь», мотив довольно популярный в разговорах критиков. Заблуждение величайшее! Работы о корифеях литературы (которыми, кстати, те вовсе еще не были признаны) — только часть всей многотрудной деятельности великих критиков, а включала она в себя и полемику по частным поводам, и короткие уничтожительные реплики на отдельные произведения. И главное, на

что я хочу сделать упор,— каждый из них старался не упускать ни одно маломальски примечательное явление в литературе, свежий голос, интересное дарование и, заметив, относился к нему с возможной заинтересованностью.

Современная критика в этом отношении крайне нераспорядительна. Можно с чистой совестью привести по меньшей мере десятков имен, которые не удостоились ничего, кроме дежурных похвал и «откликов» на новые произведения, и поговорить о которых всерьез, по-человечески критики еще не собрались. А по дарованию люди эти много интереснее и богаче тех, о которых не гнушались писать и Белинский и Добролюбов. Кто-то точно и хорошо сопоставил советскую литературу с русской литературой XIX века: если русская литература прошлого века имела несколько крупных звезд первой величины, которые оставались как бы одиночками на небесной сфере, то литература нынешняя, уступая по числу гигантов, титанов слова, необыкновенно богата, звездами второй и третьей величины. Время еще внесет свои поправки и масштабы в наши списки, но если к звездам второй величины мы относим Р. Гамзатова, К. Кулиева, С. Залыгина, А. Межирова, М. Луконина, Е. Винокурова, Н. Матвееву, А. Вознесенского, В. Аксенова, В. Шефнера, Ю. Трифонова — я упомянул только нескольких писателей, активно пишущих в наши дни, то насколько же мы богаты и как из рук вон плохо умеем это богатство оценивать!

Суждения об уровне критики могут быть разными — и оптимистичными и безрадостными — зависит все от того, об авторах какой квалификации идет речь. Повседневные, текущие материалы в газетах и журналах производят впечатление блеклое — самое время заявить тут о полном упадке жанра. Работ подлинно ярких, выказывающих у автора глубину и смелость мысли, точность вкуса, достоверное знание предмета, о котором он судит,— таких работ немного, но они

есть, и именно по ним вывернется высшая фаза в развитии критики. Среди таких авторов, определяющих сегодня «потолок» критического жанра, есть немало интереснейших имен, причем большинство из них не заявило о себе в полный голос, далеко не раскрыли свои потенциальные возможности. О трех представителях когорты так называемых молодых критиков, я хочу сказать несколько слов.

Студенческая, молодежная среда и, очевидно, старшекласники пальму первенства среди критиков прочно закрепили за двумя авторами — В. Турбиным и Л. Аннинским. Их статьи — ответ на споры в молодежной аудитории, продолжение или, напротив, начало, повод, предлог для разжигания стихийных диспутов. Оба критика подчеркнута злободневны, точно знают настроение, вкус, интересы читающей публики, и поэтому их работы часто представляют незримый диалог с читателем.

Насквозь дискуссионны комментарии В. Турбина, которые печатались в 1964—1965 годах в журнале «Молодая гвардия». Встречали их по-разному — холодно и приветливо, со вниманием и раздраженно,— но как бы там ни было, эти комментарии сделали свое доброе и большое дело. С Турбиным много полемизировали. Оппоненты его были иногда довольно убедительны, приводились неопровержимые доводы. Турбина уличали в незнании азбучных основ эстетики, прописных истин литературоведения, обвиняли в фельетонной легкости, бойкости, поверхностности — во всех смертных грехах. Обнаружив любое отступление В. Турбина от общепризнанных мнений, оппоненты торжествовали. А торжество, как мне кажется, пустое. В. Турбина нельзя толковать буквально, без поправки на жанр и формы его работ. Журнальный комментарий — не академически научный труд, форма комментария дает простор для самых разных, частых и произвольных отклонений— Турбин блестяще использует эту возможность, сознательно, как мне кажется, добавляя в

свои парадоксальные и неожиданные суждения элемент дискусионности, остроты, вызова. Мы, видно, еще не отвыкли от предрассудка, что каждое высказанное в печати мнение должно быть мнением, строго соответствующим канону, догмату, мнением чуть ли не директивным. Отсюда вытекает неприязнь и неприятие несходства оценок, разных суждений по одному и тому же поводу — болезнь, которая сейчас изживается, но знать о себе дает еще крепко. Комментарии В. Турбина в этом свете очень прогрессивны. Да, с ним часто не соглашаешься, видишь какие-то преувеличения, неточности. Но комментарии-то и рассчитаны на дискусионность! Человека, имеющего свой взгляд, свою сумму идей о литературе, один-два комментария Турбина едва ли собьют с этой позиции. Не соглашаясь с комментатором, читатель только уверится в правоте своей позиции, лишний раз придет к сознательному ее упрочению. Комментарии В. Турбина требуют от читателя активности мышления. Требуют — и развивают всем своим строем: злой и саркастичной атакой на банальности, ходячие истины — тут он иногда увлекается, теряет ощущение меры, но даже в этом азарте и запале очень симпатичен: яркой и броской подачей гипотез, умением вовлечь собеседника в собственный ход рассуждений.

Другой критик, который снискал за последние годы рекордное число оппонентов, — Л. Аннинский. На полемику Л. Аннинскому явно повезло — чуть ли не после первых же статей его дружно «разоблачали» и «уличали», независимо от того, давал ли он предлог для принципиального спора или не давал. Часто полемика с Л. Аннинским диктовалась одной только необходимостью упомянуть его имя в отрицательном контексте, — пусть без малейшего повода, хотя бы косвенно и походя, но упомянуть! Не обходилось здесь и без курьезов. В одной из статей Л. Аннинский отметил, что важнейшей чертой литературы последних лет, на его

взгляд, является поиск человека в человеке. Мысль глубоко справедливая, ее не раз высказывали и другие критики, маститые, с устоявшейся репутацией. В их устах эта мысль расценивалась литературными кругами как бесспорная, воспринималась как чуть ли не озарение свыше. Высказал ее Л. Аннинский — в той же формулировке, в том же контексте — и что же: градом посыпались упреки — и в абстрактном гуманизме, и в социальной нечеткости, и в отвлеченности нравственных критериев. В этой, с позволения сказать, полемике отрицались, очевидные истины — неизбежное следствие положения, когда берутся спорить не с убеждениями и мыслями критика, а с одним только его именем.

А поводов для несогласия с собой Л. Аннинский дает предостаточно. Пишет он всегда «по горячим следам» произведения, когда кипение страстей еще в полном накале, за предмет исследования берет имена самые шумные, громкие, те, что у всех в этот момент на языке.

Интересы Л. Аннинского широки, но его становление как критика всецело связано с судьбой так называемой молодой литературы. Недавно вышла его книга «Ядро ореха». Книга насыщена концепциями: явлений литературной жизни, отдельных писательских судеб, наконец, сама книга — книга концепция. Литература последнего десятилетия выглядит в книге Л. Аннинского великолепно упорядоченным, образцовым хозяйством, в котором для каждой творческой единицы есть определенное, строго узаконенное место, права ее на это место критиком тщательно доказаны и обоснованы.

Эта стройность иногда заковывает критика. Интеллектуальная вооруженность Л. Аннинского часто соприкасается с книжностью восприятия произведений, книжностью аналогий. Анализ соскальзывает как бы в замкнутый круг, где одно явление литературы объясняется другим, второе — третьим, а

третье — опять первым, — и нужен новый оборот, новая скорость, чтобы приобрести более широкий выход к действительности, получить опору в аргументах не книжного, а жизненного характера.

Третье имя, на котором я остановлюсь,— кажется, еще не имеет большого числа почитателей. Игорь Золотусский пишет без какого-либо расчета на эффект, внешнюю броскость, слог его несколько тяжеловат. Статьи Золотусского лишены и столь любимой нами сенсационности (кого-то «разоблачить», кого-то «возвеличить»), хотя они смелы своей свободой от гипноза имен и часто идут вразрез с теми суждениями, которые сегодня считаются «прогрессивными», «либеральными». У Золотусского есть счастливая способность судить и оценивать литературу по высшему счету, с точки зрения, как говорят, Льва Толстого. Впрочем, судить так произведения в качестве читателя способны многие из нас, но оценивать их в печати, не убавляя этой строгости и высоты отсчета, умело ее аргументируя, — под силу немногим. Я вспоминаю тот ажиотаж, ту неумеренность восторгов, с которыми восприняли мы в 1961-1962 годах приход в литературу молодых писателей. Имена Элигия Ставского или, скажем, Виктора Конецкого звучали для нас магически, термины «молодая проза» и «молодая поэзия» служили чуть ли не паролем: тот, кто принимал творчество молодых безоговорочно, считался глубоко прогрессивным, кто не принимал... В эту, как нам казалось, эпоху взлета и расцвета молодой литературы русская словесность обильно пополнялась шедеврами. На лавровые венки никто не скупился. И. Золотусский странно выглядел в этом свете: всеобщий энтузиазм его слабо коснулся, больше того, к новоявленному золотому фонду литературы относился он весьма иронически и строго. Налицо были все причины, чтобы зачислить его в разряд консерваторов, которые с глухой враждебностью восприняли «потепление» и в общественной и в

литературной жизни.

Сегодня, когда мы разделены с тем временем несколькими годами, смотрим на него более спокойно, без экзальтации, когда происходит определенная переоценка ценности тех лет, сейчас нам ясно, насколько преждевременно взяли мы за литавры, и хладнокровность, с которой голос Золотусского прозвучал в диссонанс общему хору, кажется, тем более удивительной. В журнале «Сибирские огни» в № 11 за 1964 год была напечатана его статья «Подводя итоги». По признанию многих и многих критиков — это лучшее, что написано о литературной жизни последнего десятилетия, своего рода учебник о молодой литературе, который следует всячески и неустанно пропагандировать среди читателей, не останавливаясь перед тем, что напечатана статья давно и в «областном» журнале.

Я назвал три имени — всего три! — они, конечно, не исчерпывают тот большой резерв, которым мы располагаем. И этот резерв, поддерживаемый старшим поколением литераторов, внушает надежды на будущий уверенный взлет и расцвет нашей критики.